

Александр ТИМАКОВ, член Союза писателей России. Подполковник медицинской службы запаса. Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, как военный врач участвовал в первой и второй чеченских кампаниях. Награжден орденом «За военные заслуги», боевой медалью Суворова. Автор книг «Открытие эпохи», «Апельсин в ладонях», «Чувства и честь», «Загадываю встречи», «Ханкалинский дневник» и других.

ЧЛЕНЫ СЕМЬИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО

Из цикла «Чеченские рассказы»

Их было четверо. Чинуша, Седой, Варфоломей и Слуга. Но Варфоломея звали короче, просто Варя. Сами себя они называли в шутку членами семьи военнослужащего, по начальным буквам их позывных. Так они и воевали, и на задание ходили четвером.

Чинуша, он же Толик, был толстым и бочкообразным с виду и вообще-то списанным десанником. Однажды, десантируясь с транспортного ИЛ-76, оступился и серьезно сломал ногу внутри летящего самолета. Когда самолет приземлился, он испытал новое чувство, не ведомое десантному братству и выражаемое в словах: «Опа-мать, в первый раз *выхожу* из самолета на землю!» За это его оставили служить в армии. Прыгать с парашютом он уже не мог, но жажда приключений на свою пятую точку привела его в разведывательную роту нашего полка. А прочие десантские умения, как то стрельба из всего, что стреляет, и изо всех немыслимых положений, помогли ему быстро влиться в небольшой коллектив и завоевать нужный авторитет. Кроме того, несмотря на молодой возраст, он прекрасно водил всю армейскую и гражданскую технику, несколько раз бывал в горячих точках, и опыт его был практически бесценен. Он носился по полку на своей БМП, как ужаленный. И потому все, от повара до командования, частенько называли его за глаза майор Вжик. Однако до недавнего времени в его окружении мало кто знал, что Чинуша – это не позывной, а его настоящая фамилия.

Совсем другим был Седой. К тридцати трем годам, дослужившись до старшего лейтенанта, он имел за плечами двенадцать лет скитаний по захолустным гарнизонам, пару разводов, пятилетнего внебрачного сына и совершенно седую голову. Но седым его называли не за это. Когда в юности он рассказывал об очередном своем приключении, он частенько повторял «туда-сюдой» вместо «туда-сюда». И вот очередной слушатель одернул его словами: «Ну, хватит, сюдой!» А получилось – «седой». Так и приклеилось к нему это прозвище – Седой. И ведь всё сходилось. И седина, и возраст, и странная в своей нелепости жизнь военного. Только никто не знал, что, окончив инженерное училище, он один разминировал в лесу большой склад боеприпасов времен Отечественной войны, когда приехал в отпуск в родную деревню. Помощников не было,

а ждать было нельзя. Так что, когда на другой день приехали саперы, он им все обезвреженное и сдал. Они после неделю разбирали и удивлялись, что он один всё это смог! А еще через неделю он поседел, как лунь. После того случая Коля Иванов, он же Седой, стал немногословным, как все саперы.

Варфоломей учился в Питере, в институте физкультуры имени Лесгафта. Он был сложен как Аполлон, и, разумеется, пользовался ошеломляющим успехом у женской половины, и не только института. Ах, сколько заплаканных подушек, заломленных рук, размазанных тушью глаз, охов и вздохов сопровождали его учебный процесс. Но любимой девушкой для него стала... снайперская винтовка – СВД. На втором курсе он съездил на какой-то слет снайперов вместо попавшего в больницу товарища. Там вошел в тройку призеров и всерьез заболел этим делом. Он неделями пропадал в тире, беспрестанно смазывал и протирал свою «СВДевушку», изучал баллистику, тут же закреплял знания на практике, тем самым обрекая реальных девушек на еще большие страдания. Однако это продолжалось недолго. Кто-то из озлобленных на него девиц пустил слух, что Дон Жуан – нетрадиционной ориентации. На этом страсти по Варфоломею быстро закончились. Но правду говорят, нет худа без добра! Одной из немногих, не остывших по нему воздыхательниц, повезло.

Пропустив мимо ушей злобный слух, поздним дождливым вечером она дождалась его у тира. Сильно дрожа, то ли от страха, то ли от холода, она сказала, что хочет быть только с ним и больше ни с кем! И готова стать для него кем угодно, хоть сыном Вильгельма Телля, чем и заслужила его внимание и уважение, а впоследствии и любовь. К тому же звали её Варвара, Варя значит! В общем, мезальянс получился крепким. Чтобы не умереть молодой семье с голоду, он записался на военную службу. Да так и остался снайпером в армии после двух лет еще на три, потом на пять. Я встретил его в горах, когда он «дохаживал» капитана.

Теперь Слуга. То есть Слугин, такова была его фамилия. Училище связи он окончил с отличием, на последнем курсе удачно женился на кареглазой Риточке, дочке заместителя командующего военным округом. Отлично распределился на узел связи «Рубин»! Самая что ни на есть Москва! Центрее

не бывает. Звёзды на погоны без тормозов, квартира, машина, папина дача, крепкая любящая семья. Ни дать, ни взять, идиллия. Прямо-таки Мастер и Маргарита!

Но тут снова оказались правы французы! Шерше ля фамм! – говорят они и попадают в десятку! Один из подчиненных офицеров оказывает недвусмысленные знаки внимания его супруге. Дело доходит до тайной дуэли, и когда наступает день «М», этот молодой повеса, струсив, устраивает Слугину скандал на службе, принародно угрожая покончить с собой. Шум замяли, но на следующий день офицера, восплававшего любовью к чужой жене, обнаружили в его комнате с прострелянным сердцем. Прямых доказательств конечно, не нашли, но репутации Слуги было безнадежно подпорчено, даже папа Риты был не всемогущ. Да и она сама декабристкой не оказалась. И вот, покинув Риту, он принял роту в полку, который направляли в Чечню... Сначала у него был жуткий депрессняк, а потом он понял, что всё произошедшее с ним – есть горе от ума и только! Будучи обладателем, как он говаривал, рабской фамилии, Слугин частенько по поводу цитировал бессмертного Грибоедова. Фразы типа «А судьи кто» или «Дистанция огромного размера» или «Мы с нею вместе не служили» нередко слышались у связистов. Но всё же чаще приходило на ум «Служить бы рад, прислуживаться тошно!» Но чего не отнять – наш герой в связистском деле был великий шаман! У него работали даже рации, одну из которых бессовестно утопили в РДВ-5, пятитонном резервуаре для воды, или та, в корпусе которой застряла не разорвавшаяся граната от подствольника! Только Чен, наш пёс в медпункте, отчего-то не любил связиста...

Вот таких офицеров собрала судьба в одно время в одном месте, а именно на пастбище в горах над селом Ведено. Был жаркий июльский день. Четвертый месяц перемирия на бумаге. В палатке в тени плюс 45 градусов Цельсия. У саперов на краю обрыва была закопана РДВ-5, вчера ее наполнили родниковой водой, и хотя прогреться вода еще не успела место встречи изменить было уже нельзя. Заботливые саперы обустроили резервуар мостками из снаряжных ящиков от «Града», поставили беседку и накрыли ее маскетью. Все Члены Семьи Военнослужащего пару дней тому назад вернулись с задания и тихо «отдыхали на всю катушку». Где в горах они нашли два ящика баночного пива и пяток жестяных банок голландской водки, одном Богу известно. В жлобстве из них никто замечен не был, и они сегодня наливали. Выходившим из холодной купели устраивали праздник. Подносили 50 грамм. Рюмки делали из защитных колпачков боеголовок 80-мм мин. Просто кувалдой плющили доньшко и все. Объем такой рюмки был небольшой, с одной не опьянеешь, а еще при касании стаканчики издавали редкой чистотой тонкий звук, за что получили название «Чеченский хрусталь».

Чинуша со Слугой учили Варю игре в преферанс. Седой только что вылез из РДВ, выпил залпом свои пятьдесят, и на виду у всей горы закутался вместо полотенца в белоснежную простыню. Варфоломей со знанием дела заметил, что Седой теперь с головы до ног является идеальной мишенью для его оппонентов с другой стороны пастбища. Иванов не

стал спорить и сел в беседку, накрытую маскировкой. У меня еще остались сигареты LM, полк давно уже перешел на «Приму». Он глубоко затянулся, смакуя, и вдруг задумчиво произнес: «Ну, все, хватит! Приеду домой – распишемся!»

– То есть? – не понял я.

– Да надо с Ленкой оформить отношения, а то сынишке уже шестой годик, а в графе «отец» – прочерк. Но живем мы вместе, – пояснил он.

– Что? Переоценка ценностей? – поинтересовался я.

Да ты понимаешь, – начал он, – жизнь совсем обесценилась. Муху прибить сложнее! Вот ходили мы в разведку крайний раз. Старались ни с кем не встречаться, свидетели не нужны, а того, кто нас увидит, – по приказу... ну ты понял?

– И что? – я превратился в слух, ибо мое предназначение врача заключалось в том, чтобы человек жил как можно дольше.

Он продолжал: «Дорогу уже перешли, видим, едет фургон «Москвич», сапожок, заметил нас, тудой-судой! Чинуша водителя снял, машина уткнулась в камень. Думали всё, тут задняя дверь открывается, выскакивает с автоматом молодая ханум, очередь по нам, а сама бежать. В этот раз Варя сработал. Не люблю я этого!..»

А в кузове третий сидел, не дышал. Ну, выгребли мы его оттуда, оказывается они с девушкой молодожены, и водитель его отец, тудой-судой, вез их в дальний аул, чтобы боевики с собой не забрали. У боевиков не получилось, а у нас... А по-другому нельзя! А на душе хреново!»

Он многозначительно замолчал и затушил сигарету. Было заметно, что отношение к произошедшему и невысказанные переживания не добавляли спокойствия в его и без того не простую жизнь. Пауза становилась похожа на попытку хоть как-то оправдаться пред самим собой.

– Давно ты здесь? – спросил я, стараясь перевести неловкую тему.

– Скоро шесть месяцев, – ответил он и задумался. По ходу, завтра минные поля проверю, а потом сменщику передам и домой! Тудой-судой!

Тут под разговор в лесу сработали сигналки, и через пару секунд раздался мощный грохот «монки», мины направленного действия. В горах канонада быстро запоминается.

– Ну вот, опять косуля попала! Завтра на себе лишнюю «монку» тащить! – раздосадовано произнес Седой. – Но штука классная! Зона сплошного поражения сто десять метров, моща! – В нем заговорил специалист.

– И как ты различаешь этот грохот? Что по мне, так все одно; «монка» ли, граната ли, фугас! – подыграл я.

– Ты здесь недолго, тудой-судой, через пару недель всё будешь слышать не хуже меня, – опрокинул он еще дозу и закусил бутербродом из хлеба ДХ (длительного хранения) и солёной черемши.

– Слыхал, вчера в полдень громыхнуло? Это мои взрывали в ущелье ствол от «саушки»*. Чтобы чеченцы не унесли. Взрывчатки не пожалели, двойной заряд заложили. Так, не поверишь, один осколок, пуда на два оттуда, к нам в роту прилетел! И в метре от меня сверху шмякнулся, прикинь! Если бы

еще чуть-чуть, мы бы сегодня с тобой не говорили!

И откровенно так, по-доброму рассмеялся, словно шутку рассказал...

– Ты хочешь сказать – они возле полка ходят? – поразился я с опаской.

– Нет, летают, – ответил спокойно он. – Они ж тут дома! Это мы гости, а гостей они не трогают в своем доме.

Я об этом хорошо знал...

– Да ну, тебя, Варя! – Чинуша отбросил карты на стол. – Пиджаку не научиться преферансу никогда! Кому везет в любви – не везет в картах!

И он, зажав нос, голышом плюхнулся в бассейн, устроив великое цунами.

– Это точно робкий пингвин, – бодро произнёс Варфоломей, блеснув интеллектом, обращаясь к Чинуше. Он всего лишь раз рассказал друзьям свою лав стори и был рад, что они её запомнили. Его Вареньку. А как не запомнить, ведь это был его позывной! Варфоломею было не до сантиментов, все его мысли занимали две девушки, и любил он их одинаково. Одна осталась там, дома, и ждала его, сходя с ума от сводок ТВ из Чечни, а вторая стояла в палатке в ружейном ящике, та самая «СВДевушка», что не раз спасала их в рейдах по горам. Он отрасстил бороду и стал похож на былинного богатыря. Не хватало щита и меча! Русский, в горном камуфляже и кроссовках, он и на войне был замечен своей мощью и мужской красотой.

Чинуша плескался в холодной родниковой воде так долго, что у всех наблюдавших за ним стали появляться мурашки. Теперь всем стало понятно, почему Варя его обозвал робким пингвином. Но тут из штаба за Чинушей пришел посыльный. Не успев обсохнуть, он отставил в сторону чеченский хрусталь, прыгнул в свою БМП и вместе с посыльным помчался в штаб.

– Чё-нить, придумали! – многозначительно произнес Слугин. Интуиция его не подводила! Однако, помимо интуиции, он от своих подчиненных знал, что получена телефотограмма о прибытии к нам очередной комиссии по проверке перемирия.

На следующий день все подразделения посетили инспекторы. Наш медпункт, саперная и разведдрота досталась маленькому, кругленькому военному в возрасте, без знаков различия. Он первым протянул руку и представился: «Полковник Валерка!» Кто-то спросил: «Товарищ полковник, может, по отчеству?» На что он ответил: «Я сказал, полковник Валерка, и все!»

– Ты в Афгане был? – обратился он ко мне.

– Никак нет! Рапорт писал – отказали! – ответил я по-военному.

– Был – гордись! Не был – радуйся! – заключил он и рассмеялся. На этом проверка для нас закончилась. Вечером того же дня комиссия изъявила желание пойти в разведку и проверить минные поля. Командир полка вызвал Чинушу, Седого, Варю, Слугу и возглавил поход.

Так они и ушли: Седой, за ним пара его саперов с «монками», командир, трое из комиссии,

Варфоломей и Слуга со своими двумя помощниками замыкали цепь. Чинуша подвез их до места и остался ждать возвращения.

Это была единственная комиссия, которой не повезло. Они ушли на кряж, что возвышался над пастбищем. Под вечер солнце садилось за него, и стемнело рано. Что ж поделать – горы. Шли след в след, закон разведки. Уже расставили принесенные мины, все проверили, возвращались почти затемно... Тут командир на ходу окликнул Седого, тот обернулся, его спешно поправил солдатик, шедший следом: «Товарищ старший лейтенант!» Но было поздно. Обернувшись, Седой пяткой задел растяжку, и под свистящий звук сигналки необычайно громко сработала «монка», та самая, которую он так хвалил сутки назад.

Ох, какой поднялся переполох! Слуга по рации поднял всех на уши. Ранен командир, а у него ни царапины. В медпункт привезли пятерых раненых. Самый легкий был Варя. Он один не полетел в Ханкалу, остался в полку. Четверых обработали и отправили в госпиталь. Их спасли от неминуемой смерти вековые буквые стволы. А троих «двухсотых», Седого и двух его мальчишек, оставили до утра в импровизированном морге-блиндаже...

Когда я пришел к саперам, техник роты Витя Тарабата плакал. Он показал мне автомат Седого. Осколок вошел в левую лопатку, прошил сердце, пробил ствольную коробку висевшего у Коли на груди АК-47 и застрял в возвратной пружине. Второй осколок, тоже пройдя через тело, наполовину распил поперек ствол автомата, словно болгаркой. В общем, у Седого шансов не было. Мы разобрали автомат, и в руке у меня оказался тот самый осколок, что пробил Колино сердце. Маленький, алюминиевый, холодный. Все было словно во сне... До сих пор не верилось во всё произошедшее. Витя держал в руках двухлитровый кувшин браги, которой поминал командира и плакал.

– Что же достанется Ленке-то с мальчишкой? Какая страховка, они ж не расписаны!

Сорокалетний прапорщик сидел и плакал навзрыд.

– Ну, может, женсовет пойдет в Политотдел, они ж там все видели, может, докажут, что они вместе жили. Ну, как же так!

Он налил мне в кружку браги и сказал: «Давай помянем...» А я, вспоминая вчерашнюю нашу с Седым беседу у бассейна, не мог поднять кружку. Ком застрял в горле, и мысли все разом быстро покинули бритую голову. Всплыли вдруг слова Коли: «Да, ты понимаешь, жизнь совсем обесценилась...»

Тарабата взял у меня из рук осколок и бросил его с обрыва. «Будь проклята эта война», – сказал он и вновь заплакал.

А я, вернувшись в медпункт, еще долго отогревал ладони возле буржуйки, от холода того маленького алюминиевого осколка, что своим явлением прервал и изменил так много жизней и судеб... В одной отдельно взятой семье военнотружущего...